

В.А. МУСИНУ-ПУШКИНУ — 200 ЛЕТ

В Парадном зале Ярославского художественного музея экспонируется портрет графа Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина, выполненный знаменитым художником Карлом Павловичем Брюлловым. В апрельские дни этого года он привлекал особенное внимание, так как изображенному персонажу 11 апреля (31 марта) исполнилось 200 лет, а ровно 160 лет тому назад портрет был создан.

Изображенный на портрете В.А. Мусин-Пушкин принадлежал к известной аристократической фамилии, заметной не только своими родовыми корнями, но тем вкладом, который внесли его представители в отечественную историю и культуру. Отец его — Алексей Иванович Мусин-Пушкин, действительный тайный советник, обер-прокурор Синода, Президент Академии художеств при Екатерине II, обладатель раритетов древнерусских рукописей, среди которых было знаменитое «Слово о полку Игореве». Мать Екатерина Алексеевна, урожденная Волконская, принадлежала к числу уважаемых светских дам, властная, энергичная, деловая, крепко взявшая в свои руки сложное хозяйство после смерти мужа, до самого последнего дня опекавшая своих восьмерых детей.

С XVIII века Мусины-Пушкины владели обширными вотчинными землями в Ярославской губернии, в том числе в Мологском уезде — селами Иловна, Борисоглеб, Андреевское, которые были очагами культуры в провинциальном отдалении, сохранявшими свой облик и ухоженные интерьеры до 1917 года. После революции из усадеб было вывезено большое количество домашней утвари, мебель, книги, произведения искусства. Лишь малая часть, переданная в музей, как столичные, так и местные — Рыбинский и Ярославский сохранилась. Из этого наследия происходит портрет, о котором идет речь.

Он находился в усадьбе Борисоглеба и входил в фамильную портретную галерею, большей частью состоящую из изображений родственников, написанных «домашними» крепостными художниками. Откуда же здесь работа столичной знаменитости, чьи произведения украшали великосветские салоны Петербурга?

Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин, в чьем владении находился Борисоглеб, был младшим сыном в этой семье. Он получил достойное домашнее образование, и конечно, ему была предназначена блестящая офицерская карьера. В 1816 году он закончил Петербургский Пажеский корпус, одев мундир офицера Измайловского полка. В 1817 назначен адъютантом главнокомандующего Сакена в Могилеве, где не только отменно нес службу, но предавался развлечениям, выпивая из Петербурга дорогие вина, табак, подарки для своих дам, проигрывая крупные суммы в карты, тем самым огорчая свою матушку. Не случайно она наставляла своих сыновей: «Бойтесь карт, и только географические карты полезно видеть почаще».

За это время службы вместе со своим генералом Владимир много путешествует, в том числе и за границу, и будучи в 1823 году Веймаре, наносит визит Гете.

В 1825 году в Москве при встрече со своим кузеном Михаилом Нарышкиным был вовлечен в тайное «Северное общество» и несмотря на краткость пребывания в «заговорщиках» был арестован, провел полгода в Петропавловской крепости и получил назначение в отдаленный гарнизон в Финляндию. С военной карьерой было покончено. Но совсем неожиданно здесь же он нашел свое счастье, познакомившись с сестрами Шернваль, дочерями выборгского губернатора. Впоследствии старшая Эмилия стала его женой, а младшая — Аврора вышла замуж за богача Павла Николаевича Демидова. Обе сестры отличались изумительной красотой, и, появившись на балах в Петербурге, вызвали всеобщее восхищение: «... все светила поблекли перед ними... они замечательны внутренне и внешне» (Вяземский).

Для того чтобы состоялся этот брак, опальному Мусину-Пушкину пришлось просить «высочайшего» разрешения и, преодолевая сопротивление родственников, с соинтересом отнесшихся к провинциалке, не аристократке и иноверке. Но все-таки в 1828 году разрешение было получено, а матушка, очарованная кротостью и красотой Эмилии, подарила ей дорогое жемчужное ожерелье в качестве свадебного подарка. В начале 1829 года Владимира переводят служить в Тифлисский полк, куда он отъезжает вместе с братом жены Эмилем Шернвалем. Кавказский эпизод увековечен в сочинении А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»: «В Новочеркасске нашел я графа Пушкина, ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе... Я сердечно ему обрадовался, и мы поехали вместе. Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка; мы его прозвали Отрадню. В северной ее части хранятся вина и съестные припасы, в южной — книги, мундиры, шляпы и проч., проч. С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станции выгружаются часть северных припасов, и таким образом мы проводим время как нельзя лучше». Горная дорога была не только опасна, но восхищала поэта: «Дорога наша сделалась живописна...» В крепости Минарет, поднялись к старинным постройкам, испещренным автографами, оставленными «славолюбивыми путешественниками». «Граф Пушкин последовал за мною. Он начертил на кирпиче имя ему любезное; имя своей жены — счастливая!»... А дальше их пути на время разошлись, так как Мусин-Пушкин, верный своим привычкам не пожелал расставаться с комфортом. Пушкин пересел на верховую лошадь, а граф тяжелый заснеженный перевал решил преодолевать в своей бричке: «он пред-

почел впрячь целое стадо волов в свою бричку... и с торжеством переехать через снеговой хребет». Таким образом, они в разных условиях, под угрожающий шум Терека, преодолели тяжелую дорогу, грозящую снежными лавинами и вновь встретились в Душете: «граф Пушкин и Шернваль посетили меня и предложили опять отправиться вместе в дорогу.» Для Пушкина это было увлекательное, не без опасности путешествие в экзотические края, в поисках впечатлений и вдохновения. Для графа — место службы, к счастью, оказавшейся непродолжительной. В 1831 году опала частично была снята, он был уволен от службы, а с 1835 ему разрешено служить по гражданскому ведомству в Москве, не снимая жандармского наблюдения.

В конце 1835 года Москва бурлила от новостей, связанных с приездом из-за границы в Россию Карла Брюллова. Все, интересующиеся культурой, и просто любопытные, стремились засвидетельство-

к Вам. Как Вы себя чувствуете? Вчера давали в опере «Туритане» и отлично пели, бесподобно. До свидания! На днях Вас непременно увижу. Искренне Вас любящий гр. В. Мусин-Пушкин». Эта цитата вполне отражает характер отношения художника и автора записки, его музыкально-художественные интересы.

Важно отметить, что по возвращению в Россию Брюллов с удовольствием пишет портреты только тех, кто ему был близок, симпатичен, интересен. Активно взявшись за работу еще в Москве, он замечал: «я теперь за деньги не работаю, а работаю даром для моих московских друзей». В Петербурге к нему неоднократно поступали предложения от Николая II, с пожеланиями написать портреты членов императорского дома. Но каждый раз Брюллов находил предлог для отказа, или эти попытки обрачивались творческой неудачей. И наоборот, достаточно назвать фамилии позировавших ему: Нестор и Платон Кукольники (1836), Алексей Толстой (1836), поэт Василий Жуковский — все люди из близкое ему богемно-литературной среды. Или это были очаровательные дамы: сестры Шишмаревы, графиня Строганова, Аврора и Эмилия Шернваль, где Брюллов с увлечением выписывал шелк, бархат, украшения, оттеняя белизну и матовость кожи. Например, работу над портретом Авроры наблюдал ученик Брюллова художник Аполлон Мокрицкий: «Сперва занялся он головою... с каждым мгновением голова теряла материальность карсок и как бы облекалась телом; голубые глаза загорелись блеском, на щеках заиграл румянец, и малиновый рот принял какую-то бархатистость... когда он начал проходить костюм, то право, дух захватывало от удивления к этой смелости и самоуверенности, с которой распоряжался гениальный художник: на плечи набросил он собольи палантин... начал мягкой подушестертой кистью наносить серебристые массы этого пушистого меха, ... мех мялся и нежные волоски то ложились гладко, то на изломах складок торчали по направлению перегиба.» (Мокрицкий «Дневник»). И далее добавляет: «У Брюллова аксессуар, как бы он не был натурален, никогда не пересилит главного». Интересно, что оба портрета сестер Шернваль давно исчезли из поля зрения специалистов. К сожалению, местонахождение портрета Эмилии пока не установлено, а великолепный портрет Авроры неожиданно появился на аукционе «Сотби» в 1995 году, счастливыми обладателями которого стали Мстислав Растропович и Галина Вишневская.

Портрет В. Мусина-Пушкина существует сейчас в трех «экземплярах»: в Архангельском музее ис-

кусств находится бесспорный брюлловский — слева внизу стоит авторская подпись-монограмма и дата: 1838. Это поясное изображение Мусина-Пушкина в плащекрылатке, прихваченного двумя руками в лайковых светлых перчатках, на фоне облачного неба. Точно также выглядит портрет, находящийся в Рыбинском музее. Портрет, представленный в Ярославском музее чуть меньше, обрзан снизу. Два последних не имеют авторской подписи, и исследователи склонны предполагать, что это копии. Возможно, что и так. Но эти копии, во всяком случае, из ярославской коллекции, несут печать артистизма и незаурядности почерка Брюллова. Вполне вероятно, что эта копия создавалась под руководством самого Брюллова, как это часто происходило. Уже упоминавшийся Мокрицкий, например, вспоминает, что Брюллов после нескольких замечаний сам брал в руки кисть или карандаш и несколькими штрихами доводил работу ученика до совершенства. Там же Мокрицкий упоминал и о выполнении им копии с портрета Жуковского. В это время учеником Брюллова был бывший крепостной Мусиных-Пушкиных И. Липин, чуть позже — так же ярославец Н. Лавров. Можно предположить, что кто-то из них и мог повторить портрет, руководствуясь наставлениями своего учителя.

Но даже вторичность портрета сохраняет задуманную художником героико-романтическую окраску образа. Фигура, темным силуэтом почти скульптурно выделяется на светлом фоне, «выведенная» из обычного для брюлловских портретов этого времени интерьера, чем особенно подчеркнута отстраненность персонажа от всего будничного, его уединенность. Тонкую массу одежды разрушает лишь белое пятно манишки, которое контрастируя, поддерживает композиционный центр портрета, как бы подготавливает восприятие главного — головы, лица модели. Голова повернута в резком повороте лица: плотно сжаты губы, взгляд устремлен далеко в праздную суету?, мысль о тревожном прошлом?, предчувствие близкой новой беды? Можно представить, что волновало художника и его модель в этот момент, и среди прочих тем их взаимной беседы точно была одна — еще не забытая трагедия января 1837 года — гибель поэта, всколыхнувшая общество. «С негодованием и сердечной скорбью отвернулся от всего света... Я подавлен свершившимся, перед ним бледнеют драма, роман, вымысел...» — как созвучны эти слова, написанные князем П.А. Вяземским жене графа в феврале 1837 года по случаю трагического исхода дуэли поэта. Как тогда переживал Брюллов, вспоминая, что отказал Пушкину подарить понравившийся ему рисунок...

Пройдет еще несколько лет, и Брюллов навсегда покинет Россию, а Мусин-Пушкин переживет личную трагедию. В 1846 году во время эпидемии холеры в своем имени умрет его «Борисоглебский ангел», его жена Эмилия. После этой утраты Мусин-Пушкин так и не оправится, живет замкнуто, большей частью в своем ярославском имени. Составляет завещание, где распорядится передать отцовскую библиотеку, доставшуюся ему в наследство, в Академию наук, и пожелает быть «похороненным в селе Борисоглебе подле покойной жены моей... без больших церемоний и издержек». Оба завета были выполнены. Умер Владимир Мусин-Пушкин в 1854 году, пережив всего на два года своего друга и великого художника Карла Брюллова.

Н. КОВОВАЛОВА — искусствовед, главный хранитель Ярославского художественного музея.

К.П. БРЮЛЛОВ. Портрет В.А. Мусина-Пушкина, члена Северного общества. Вариант - повторение одноименного портрета 1838 года, находящегося в Архангельском областном музее изобразительных искусств. Ярославский художественный музей.

вать почтение знаменитому художнику. Не имея достоверных фактов, нельзя исключить, что именно в эти дни произошло знакомство В. Мусина-Пушкина с маэстро. Или чуть позже, в Петербурге, когда художника действительно звал Пушкин, требовал государь, где он стал профессором академии художеств. Знакомство Брюллова и семьи в. Мусина-Пушкина реализовалось в портретах, а приятельские отношения продолжались до самого отъезда художника в Италию. Сохранилось несколько записок Мусина-Пушкина к Брюллову, относящихся к 1843 году, когда Брюллова увлекали росписи «Исаакиевского собора», но он уже был тяжело болен: «Любезный Карл Павлович! В последний раз я Вам прислал «Святую фамилию» Тициана, не знаю, как она Вам понравилась. Сегодня посылаю Вам Доменикина, картина тоже недурна, хотя она кажется, не совершенно кончена. Я так занят был все эти дни, что не мог захватить

Ярославская культура
№ 4 осень 1998 года